
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКВАДОРЕ НАКАНУНЕ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО РЕЖИМА ГАРСИА МОРЕНО

Е.С. Галибина

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Целью статьи является изучение социально-экономической ситуации в Эквадоре середины XIX — начала XX в., что дает ключ к пониманию политического и экономического облика страны в течение последующего времени. Автор статьи ставил своей задачей, на основе имеющихся в его распоряжении источников и литературы, выявить особенности консервативного и либерального режимов в Эквадоре; провести анализ социально-экономических условий, которые сделали возможным возникновение «гарсионизма» как общественно-политического явления, создавшего предпосылки для прихода к власти либералов; исследовать процессы политического развития страны в середине XIX и начале XX в.

Ключевые слова: Латинская Америка, Эквадор, «гарсионизм», консерваторы, либералы.

Одной из главных проблем данной статьи является рассмотрение и анализ борьбы между консервативным и либеральным течениями Эквадора на рубеже XIX—XX вв. Любая идея, будь то политическая, идеологическая или экономическая, зародившись в одной стране, проходит некую трансформацию, эволюцию в своем первоначальном понимании, зачастую поддаваясь корректировке своих adeptов или «лжеприверженцев». Этот факт становится особенно актуальным при рассмотрении истории политико-экономической мысли, в восприятии которой не последнее место занимают историческая действительность, менталитет и уровень развития общества.

Термин «либерализм» понимается по-разному. В XIX в., в начале которого он появился, многие были склонны считать либерализм, как и консерватизм, выражением определенных, присущих человеку природных качеств — стремление к изменениям или, напротив, желание сохранить привычный порядок. Ныне нередко под понятие консерватизма подводится политика, направленная на сохранение любого, все равно какого — революционного, либерального, реакционного порядка, а под либерализмом — приверженность к мерам, ориентированным на изменение также любого порядка. В данной работе под либерализмом будет подразумеваться отстаивание определенной системы взглядов, хотя и претерпевшей изменения в различные исторические периоды. В систему либеральных воззрений входило отрицание деспотизма и произвола, борьба за утверждение конституционных норм, парламентарного строя, ограничение функции государства в экономической жизни, постепенно расширяющийся список свобод и прав личности (7. С. 5). Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу: либерализм — это буржуазно-политическое, идеологическое течение; процесс утверждения буржуазной идеологии, форм эксплуатации, буржуазного законодательства, буржуазной демократии и пр.

Бессмысленно пытаться оценивать либерализм и консерватизм без соотношения в каждую историческую эпоху с тем, что являлось тогда главным определяющим мерилем прогресса, подразумевая под последним расширение свободы, развитие политической демократии, благосостояния, просвещенности и культуры населения. Особенно важным представляется установление соотношения либеральной доктрины и политики либерализма с основными тенденциями развития общества в XIX веке, который был важнейшим этапом и в развитии самого либерализма и тем более в характере выявления особых, самобытных проявлений доктрины на Американском континенте. Подобная постановка вопроса требует анализа предшествовавшей либеральным революциям исторической ситуации в Латинской Америке.

Ускорившейся процесс роста производительных сил, наблюдавшийся со второй половины XVIII в. в колониях, выступил катализатором обострения конфликта с колониальной системой ограничений. Естественным стремлением развития производства в колониях становится интеграция последней в систему международной торговли.

Таким образом, экономические законы развития общества требовали установления своих правил: ввода свободы торговли и предпринимательства, что в первую очередь противопоставлялось основным постулатам колониального режима. Логически связанным с процессом обновления социально-экономического устройства становится преобразование старых форм поземельных, трудовых и товарно-денежных отношений. Решением проблем земельного устройства могли стать приватизация неосвоенных королевских земель, упразднение церковных и монастырских владений, майората и общинных земель, т.е. «неотчуждаемого землевладения». Такие реформы привели бы к складыванию нового типа земельной собственности — частно-буржуазной, что, в свою очередь, означало бы укрепление позиций феодального латифундизма. В отношении рынка труда идеальным представлялось создание рынка дешевой рабочей силы, что оставалось невозможным, пока существовал институт общинников и мелких землепользователей, дававший возможность большей части населения относительно независимо существовать. Европейский опыт в данной ситуации подсказывал применить методы насильственного принуждения к наемному труду, вплоть до принятия закона о бродяжничестве и экспроприации самих производителей, тем самым еще раз доказывая историческое созревание социально-экономических отношений к увеличению и развитию феодального латифундизма (2. С. 267—268).

Такие преобразования сулили большие выгоды, прежде всего креольским латифундистам, элите латиноамериканского общества. Хотя они и считались «белыми» и прямыми потомками европейских переселенцев, «на деле эта часть населения колонии сложилась в результате сложных процессов межнациональной и межрасовой метисации» (8. С. 269). Креольские латифундисты были связаны историческими корнями с крупными капиталистическими странами и, так или иначе, тяготели к перениманию опыта свободной торговли и предпринимательства. Погоня за выгодой объединяла латифундистов. Выступая совместным фронтом подобно европейской промышленной буржуазии, они образовывали хунты, отраслевые корпорации, альянсы. «Это стало возможным благодаря не поверхност-

ному знакомству с протестантской этикой, а весьма глубокой проработке трудов физиократов и А. Смита, в том числе в Экономических обществах друзей страны. Потому идеи либерализма были для креольской верхушки не очередной модой, вроде сюртука, а готовой программой действия» (3. С. 58). Безусловно, восприятие либеральных догм отражало объективные исторические потребности развития, которые стояли перед латиноамериканским обществом. Подтверждение данного вывода находим и в зарубежной историографии: «идеи Французской революции и Североамериканской конституции попали на плодородную почву, так как там уже существовала, хотя и в зачаточном состоянии, буржуазия, которая в силу своих экономических интересов могла и должна была проникнуться духом европейской буржуазии. Испанская Америка, безусловно, не добилась бы независимости, если бы у нее не было героического поколения, обладавшего способностью и волей совершить в наших странах настоящую революцию» (4. С. 60). Однако на деле проведение в жизнь основных постулатов рыночной экономики, как-то создание гражданского общества и построение правового государства не было столь романтичным и героическим актом креольских латифундистов: «...они не стеснялись в выборе средств и ради быстроты, полноты и чистоты воплощения либеральной доктрины, ради торжества цивилизации и, разумеется, своих классовых интересов не останавливались ни перед чем — ни перед принесением в жертву территориальной целостности суверенитета своих стран, ни перед применением революционного насилия и массовым кровопролитием, даже если это грозило ответным насилием со стороны патриотически настроенной части «верхов» или народных масс, а то и расправой с радикал-реформаторами» (2. С. 270).

Таким образом, нельзя рассматривать либералов как самое прогрессивное направление, борющееся против феодализма, нельзя также утверждать, что главной движущей силой были народные массы. Такая концепция долгое время была представлена в советской латиноамериканистике М.С. Альперовичем, И.Р. Григулеви-чем, В.И. Ермолаевым, Н.М. Лавровым и др. Фактом, свидетельствующим о том, для кого в итоге творилась революция, может стать анализ конституций, принятие которых не заставило себя ждать после победы революций, где главным явились установление имущественного и образовательного цензов. Более того, революция, как и следовало того ожидать, укрепила и усилила позиции креольских землевладельцев, которые не преминули воспользоваться мерами конфискации земель у индейцев, распродажей государственных, муниципальных, церковных земель, принятием законов, ужесточивших режим рабского труда. «Но именно ради этой «коренной перестройки социально-экономической структуры», и в частности радикальной буржуазной аграрной реформы, а не ради некой «конфискации латифундий и других демократических преобразований» задумывалась и вершилась война за независимость, и прежде всего в этом, а не в некой «антифеодальной» направленности состоял ее буржуазный характер» (2). Не случайно в реакционных кругах бытовало мнение о «зловредном» влиянии Французской революции, да и в среде «кочевых племен, индейцев-общинников, и даже мелкопарцелльного крестьянства и городских «низов» можно обнаружить бесчисленное множество случаев враждебного отношения к буржуазному либерализму, вплоть до поголовного физического уничтожения носителей либеральной идеологии...» (2. С. 275).

Неоспорим тот факт, что схожие по своим конечным результатам исторические явления не могут принимать идентичные формы выражения, а тем более, когда речь идет о разных странах. И дело даже не в географическом факторе, занимающем не последнее место в развитии общества, а в исторических реалиях, базирующихся на самобытности и менталитете каждого народа, которые даже и при трехвековом влиянии извне, все равно, так или иначе, проявляют себя. Так обстояло дело и с повторением опыта Французской революции на латиноамериканском континенте, конкретные исторические условия дали о себе знать, поэтому и либерализм и буржуазная революция приняла те формы, какие они могли принять, учитывая местные особенности.

Главным итогом национально-освободительных революций в Латинской Америке стало создание независимых государств. Данный процесс сопровождался решением главных вопросов, власти и территориальной организации. Именно в этот момент активную пропаганду получает идея о создании федерации стран в Южной Америке (Ф. Миранда, Х. де Сан-Мартин, С. Боливар и др.). И в реализации этой идеи был достигнут ряд успехов, в частности, в 1821 г. было образовано новое независимое государство «Великая Колумбия» (Новая Гранада, Венесуэла и аудиенсия Кито). Президентом нового государства был избран Боливар, который с 1826 г. становится главой трех государств (Перу, Боливии, Колумбии). Летом 1826 г. удалось собрать Панамский объединительный конгресс, результатом которого было подписание договора «О постоянном союзе, лиге и конфедерации», основная цель которого свелась к совместной защите суверенитета от вмешательства извне, активное взаимное сотрудничество в других вопросах. Однако очевидным оставался факт, что историческая реальность, принимавшая в разных латиноамериканских странах свои особенности и порождая своя интереса, мешала континентальному объединению, да и казавшаяся весьма прочными объединения государств стали разрушаться, причем такие процессы были свойственны всему континенту: распад «Великой Колумбии» привел к образованию независимых государств — Венесуэлы, Новой Гранады и Эквадора с президентом Х.Х. Флоресом.

Анализируя несостоявшиеся попытки объединения латиноамериканских стран, Н.Н. Марчук выделил целый комплекс причин в этом процессе: это и «забегание» революции за пределы объективной зрелости (т.е. недостаточной зрелости исторической ситуации), это и ошибочная интерпретация цивилизации, главный смысл которой сводился к основным протестантским ценностям: рыночной экономике, гражданскому обществу, правовому государству. Этой системе ценностей противопоставлялся другой — иберийский, индейский и негритянский — культурный пласт, складывавшийся веками, но считавшийся «варварским», ибо не мог с точностью копировать прогрессивные идеи, что во многих странах приводило к намеренному уничтожению местного населения, поощрению программы по привлечению огромного числа европейских переселенцев (бесплатно наделяя переселенцев землей и всевозможными льготами), которые согласно ошибочному мнению реформаторов, должны были привезти с собой новую систему взглядов, а вслед за этим и прогресс. Такая политика вызывала резко негативную реакцию у местного населения, обостряя конфликт между ним и правящими кругами. Несмотря на явное преклонение перед ценностями Запада, последний, в свою оче-

редь, не давал возможности южноамериканским товарам выйти на международный рынок, а вследствие ослабления Европы в результате наполеоновских войн использовал Латинскую Америку как огромный рынок сбыта своих товаров. Ставка реформаторов на создание полноценного партнерства между странами Латинской Америки и крупными капиталистическими странами явно не дала положительных плодов, а полная разруха внутреннего рынка труда, да и всей системы социально-экономических структур, породила и обостряла социальную напряженность.

Такой анализ Н.Н. Марчука несколько противоречит концепции объяснения провала объединительных процессов в Латинской Америке, бытовавшей долгое время в среде зарубежных историков. Основная идея зарубежных авторов о несостоявшемся объединении сводилась к причине существования института «каудилизма», представлявшего собой не что иное, как альянсы различных группировок помещиков-латифундистов, такие союзы боролись между собой за власть, тем самым ослабляя власть центральную.

В советской историографии факт очевидных негативных последствий несколько размывался. Была выведена общая схема, согласно которой «прогрессивным силам Латинской Америки приходилось бороться с реакцией, пытавшейся воспрепятствовать поступательному развитию стран Латинской Америки, отгородить их от влияния передовых идей под флагом защиты латиноамериканской «самобытности», «традиционных ценностей». Именно этим объясняется тот факт, что национализм в странах Латинской Америки первоначально стал идеологией «клерикально-помещичьих сил, орудием крайней реакции» (5. С. 17). Подобную точку зрения встречаем и в зарубежных исследованиях, авторы которых придерживаются марксистских идей: «этот факт (использование национализма католической верхушкой и помещиками — Е.Г.) породил своеобразную тягу в Латинской Америке в виде стремления к «колониальной реставрации» или «региональному изоляционизму» (11. С. 185).

В итоге рассмотренные точки зрения дают достаточно объективное представление о социально-экономической ситуации, сложившейся в данный период. Налицо было засилье иностранцев, пользовавшихся огромными льготами в торговле. Местные предприниматели, некогда сбывавшие свой товар в развитые центры хозяйства, были на грани разорения. Реформы либералов привели к общему застою. Мелкое и среднее предпринимательство выдвинуло свой лозунг: отмена свободной торговли. Предприниматели, «завладевая теми полномочиями, которые делегировали на места сами либеральные федеративные конституции, использовали провинциальную автономию для введения запретов на ввоз сырья, для обложения высокими налогами транзитных перевозок и прочих мер, защищавших провинции, но парализовавшие политику центра. Когда же центр пытался силой остановить парад суверенитетов, он сталкивался в провинциях с местным ополчением, опытными военными вожаками (каудильо) из среды тех же латифундистов и массовой поддержкой их населения» (2. С. 285).

Иными словами, нельзя забывать об «оборотной стороне» либерализма, в данном случае — латиноамериканского, который представлял собой весьма неоднозначное явление. «Вполне понятно, что либеральная историографическая традиция

вынуждала многих авторов подчеркивать, прежде всего, прогрессивный результат буржуазных реформ. Историки-«ревизионисты», напротив, стремились показать отрицательные стороны политики либеральных реформаторов и положительно оценивали роль индейской общины, церкви и провинциальных каудильо в деле защиты народа от «цивилизации» прогресса» (6. С. 202).

Таким образом, весь комплекс рассмотренных причин толкал латиноамериканское общество к отчуждению и негативному восприятию либерализма как такового. «Нельзя, — доказывали консерваторы, — видеть в колониальном прошлом только «варварство», в нем были и элементы «цивилизации». Именно эти последние и дали возможность потомкам иберейцев победить метрополии, завоевать независимость» (3. С. 14). Естественным образом созрел крепкий плацдарм для принятия новой идеологической линии — консерватизма. И тому есть свое историческое подтверждение: начиная с 1830 г. почти во всех странах Латинской Америки к власти приходят консерваторы.

Какие же формы принимали в Эквадоре общие для всей Латинской Америки процессы?

Прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, выведем одну из особенностей истории Эквадора в данный период: история Эквадора не представляла собой только лишь открытую и скрытую борьбу либералов и консерваторов. Это была еще и история сотрудничества и альянсов, проходившая в рамках противоречий и ограничений, накладываемых процессом постепенной интеграции страны в систему мирового хозяйства. И этот факт не был удивительным, «ведь «верхи» все чаще прибегали к политике социального маневрирования, стараясь отказаться и от крайностей либерализма, и от излишнего консерватизма. Политические союзы консерваторов и либералов не были редкостью и порой заключались на основе общности синоминутных интересов» (3. С. 209).

Как уже было отмечено выше, Эквадор вышел из состава «Великой Колумбии» в 1830 г. Главной особенностью экономики Эквадора было существование двух различных структур: с одной стороны — побережье Косты, где развивалось плантационное хозяйство и связанная с ним торговля через порт Гуаякиль, с другой — землевладельческие асьенды Сьерры, состоявшие в тесной взаимосвязи с индейскими общинами и традиционным ремесленным производством, формируя тем самым провинциальные рынки. И эта особенность экономического уклада Эквадора складывалась веками (при этом огромную роль играл географический фактор), приобретя к 1822 г. явные различия. В горных районах Сьерры система «консертахе», или «пеонажа», делала крестьянина должником на всю жизнь. «Многочисленные повинности и обязательства индейского населения делали его положение очень шатким, что способствовало накоплению задолжности хозяину, переходившей от родителей к детям, и привязывало их к латифундиям» (16. С. 97). Такими методами латифундист укреплял свой контроль над дешевой и постоянной рабочей силой. Латифундисты создали механизмы, которые заставляли крестьян постоянно работать: речь идет о задолжностях различного типа, системе праздников, способствовавших постоянному росту долгов.

Несмотря на консолидацию латифундизма, продолжалось развитие мануфактур. Рост импорта заставлял помещиков модернизировать текстильное производ-

ство. Чтобы поддержать их существование, государство осуществляло протекционистские меры. В этой комплексной производственной системе наряду с вышеуказанными системами сосуществовали и другие уклады, например, ремесленное производство, ориентированное на внутренний рынок и на удовлетворение спроса в приграничных зонах соседних государств, с которым были связаны обширные зоны, географически отделенные от центров Эквадора (10. С. 42).

В то время как латифундисты Сьерры старались укрепить систему «гуасилунго» (Гуасилунго- (от гуаси — дом и лунго — дверь (*кечуа*)- парцелла выделявшаяся помещиком крестьянину с целью его закабаления) и расширить набор методов внеэкономического принуждения с целью сохранить прикрепление крестьян-индейцев к земле, латифундисты Побережья, связанные с плантационным хозяйством, внутренней и внешней торговлей сельскохозяйственными продуктами, нуждались в дешевой рабочей силе, и поэтому, наоборот, активно добивались ее освобождения. Формирование латифундистской системы на побережье было тесно связано с развитием внешней торговли. Латифундисты производили такие продукты, как какао-бобы, табак, хлопок, рис. Увеличение спроса на какао вызывало стремление к расширению сельскохозяйственных угодий и концентрации землевладений. Процесс скупки земель землевладельцами Побережья был также направлен на предотвращение приобретения земли выходцами из Сьерры. «В 1839—1840 гг. население Гуаякиля достигало 51 437 чел., в 1847 г. увеличилось до 70 тыс. жителей, а к 1857 г. насчитывало 91 630 человек. В 1848 г. в этих районах преобладало индейское население, что явилось результатом иммиграции из Сьерры» (13. С. 23).

Противоречие между помещиками и поденщиками Косты смягчались из-за нехватки рабочих рук. Это, несомненно, обеспечило крестьянам Побережья большую свободу передвижения, по меньшей мере ту, которой они обладали в Сьерре. Отсутствие лишних работников вынуждало помещиков Косты искать способы закрепления крестьян за их латифундиями. Здесь уместно привести выдержки из полицейского Указа провинции Гуаяс от 1847 г.: «Каждый пеон или поденщик представляется надсмотрщику плантации, чтобы тот записал в список его происхождение, и надсмотрщик выдает ему документ, без которого ни один землевладелец не примет на работу поденщика». В другой статье Указа говорилось: «Каждый сельский житель, не имеющий собственного земельного участка и не имеющий соответственного документа, будет считаться «бродягой». И далее: женщины в сельской местности, которые должны работать, но место работы которых неизвестно, должны работать на участке знатного соседа» (13. С. 24—25). Этот Указ соблюдался неукоснительно. Натуральный оброк и закабаление за долги составляли основу, на которой с тех пор развивалось производство какао-бобов.

Как уже отмечалось выше, в Сьерре борьба «низов» развивалась в русле сопротивления индейцев закабалению. Помещики горных районов, используя контроль над государственным аппаратом, применяли различные методы для достижения своей цели. Политика, которую они проводили, была направлена на разрушение мелко-крестьянского и ремесленного производства и включение крестьян в помещичье хозяйство в качестве рабочей силы.

Кроме того, латифундисты преследовали цель захватить небольшие местные рынки, где важное место занимали крестьяне.

Набор рабочей силы помещиками Сьерры опирался на механизм, элементы которого имели различный характер подати с индейцев — десятина и первый урожай, трудовая повинность, казармы для крестьян и др. Все это подрывало хозяйство крестьян, обрекало их на тяжелую долю: наниматься поденщиками или дворовыми на асьенду, где система «консертахе» не позволяла им освободиться от трудовой повинности, уехать на Косту или в Перу. Впрочем, условия работы на плантациях Перу или Косты незначительно отличались от здешних. Последствиями такого отчуждения крестьян от земли были различные выступления индейцев, главным требованием которых было восстановление Всеобщего закона о налогах, введенного Флоресом, согласно которому со всех граждан взимался одинаковый ежегодный налог в три песо.

Еще со времен колониальной зависимости Эквадора индейцы и индейские общины находились под гнетом, и это объясняет поддержку крестьянами генерала Урбины (1851—1856) и Ф. Роблеса (1856—1859). Правительство Х.М. Урбины было первым в стране, которое отменило подати с индейцев, протектурии и облегчило жизнь крестьян. О том, насколько это было актуально, свидетельствует хотя бы эта краткая характеристика положения индейцев до принятия декретов Урбины: «В провинции Асуай помещики еще более жестоко взимают в свою пользу десятину и подати с индейцев, еще с большой злобой применяют закон против бродяжничества» (9. С. 47—54).

Таким образом, борьба влиятельных сил Косты и Сьерры велась в первую очередь за обладание рабочей силой, от чего зависело развитие этих районов. «Важнейшим фактором были индейцы. Масса крестьян, закабаленных на асьендах, поденщики, свободные крестьяне и ремесленники, без которых владелец асьенды, как и торговец, не мог бы обойтись» (14. С. 37). Этот процесс отражался и на политических процессах.

Агроэкспортный сектор всегда боролся с теми общественными институтами, которые мешали свободному перемещению рабочей силы и сохраняли единство крестьянской общины, эксплуатировавшейся латифундистами Сьерры. Представители этой группы землевладельцев противодействовали всякой политической системе, защищавшей власть помещиков Сьерры.

Другим важным аспектом противоречий была борьба за отмену всех таможенных ограничений. Торговый сектор защищал политику, основывавшуюся на принципах свободной торговли, в противовес протекционистским устремлениям Сьерры. В этой борьбе решалась судьба текстильного производства Сьерры.

Экономические противоречия обострились с дифференциацией хозяйственных интересов в первые десятилетия существования республики. Конфликты приобрели межрегиональный характер, борющиеся сектора локализовались географически. Можно говорить о противостоянии Сьерры и Косты. Перед господствующими классами стояла проблема избежать форм политической борьбы, угрожающей самому господству этих классов. Правящие силы боролись друг с другом, так как представляли различные формы производственных отношений. Поэтому они использовали различные типы политической организации, часто противоречившие друг другу. Изменившиеся условия включения Эквадора в мировую экономику определяли рамки конфликта Косты и Сьерры на протяжении XIX—

XX вв. Ввиду того что эти силы не могли создать политическую систему, отвечающую экономическим интересам ни одного из секторов и в соответствии с вышеуказанными условиями, были увеличены усилия, направленные на урегулирование конфликта и заключение союза.

Необходимо также подчеркнуть, что ни одна из сторон не смогла добиться гегемонии в политических процессах. «Консерваторы могли быть крайними (правыми) или умеренными, либералы — умеренными или радикальными (левыми)» (6. С. 184). Конфликт не мог быть урегулирован до появления компромиссного сбалансированного режима. «Это было связано с тем, — отмечал эквадорский исследователь Ф. Веласко, — что ни один из секторов не смог консолидироваться в экономическом отношении, что позволило бы возобладать над соперничающим сектором... Более того, в течение всей первой половины XIX в. географические условия обуславливали относительную обособленность обоих регионов» (15. С. 93). Экономические противоречия, отсутствие коммуникаций, связывающих Сьерру с Побережьем, низкий уровень развития производительных сил препятствовали консолидации национального государства в первой половине века.

Проанализировав все вышеперечисленные обстоятельства, можно говорить о том, что к середине XIX в. Эквадор представлял собой разрозненную страну. Более того, вставал вопрос о территориальной целостности. Уровень жизни местного населения, измученного постоянными междоусобными войнами, резко снизился, социальная напряженность достигла своего апогея. Такой период обычно определяется профессиональными историками как смутное время, разруха, анархия. В этот трагический момент истории Эквадора должна была появиться харизматическая личность, способная переломить ход истории, взять на себя ответственность за будущее страны. После рассмотрения всего комплекса причин, объясняющих неприемлемость классических догм либерализма в данный исторический отрезок для Эквадора, вполне объяснимыми становятся появление предпосылок для прихода к власти диктатора, жесткие меры которого в какой-то степени оправдывала сама история. Такой поворот событий характерен не только для истории Эквадора, это — мировой опыт. Объясняя тяжелейший социально-экономический кризис в стране, все больше людей приходило к мысли о некоей иностранной интервенции, воплощением которой стал якобы либерализм. Все больше людей тяготил опыт насильственного переноса опыта Запада на эквадорскую почву. Возникало обратное стремление, стремление к своему историческому прошлому, к консерватизму. Новым человеком, ставшим не просто крупным политическим деятелем, а образом эпохи, воплотившим в себе все идеалы консерватизма, стал президент Габриэль Гарсиа Морено. Приход Морено к власти ознаменовал собой новый этап в истории Эквадора, да и всего латиноамериканского континента, ибо, как ни в какой другой стране, в Эквадоре проявилась вся суть консервативной идеи. Эквадор находился в точке бифуркации своего развития, и выбор за страну был сделан самой историей, наделившей Гарсиа Морено властью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ларин Е.А. Всеобщая история: Латиноамериканская цивилизация. — М., 2007.
- (2) Марчук Н.Н., Ларин Е.А., Мамонтов С.П. История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 года). — М., 2005.

- (3) *Марчук Н.Н.* К вопросу о социальных революциях. Якобинская схема и освободительная борьба в Латинской Америке... — М., 1993.
- (4) *Мариатеги Хосе К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. — М., 1963.
- (5) Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. — М.: Наука, 1976.
- (6) *Посконина О.* История Латинской Америки (до XX века). — М., 2005.
- (7) Европейский либерализм в Новое время. Теория и практика. — М., 1995.
- (8) Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития. — М.: Наука, Академия Наук СССР институт Латинской Америки, 1989.
- (9) *Albornoz Osvaldo P.* Las luchas indígenas en el Ecuador. Ed. Claridada. — Guayaquil, 1971.
- (10) *Alfaro E.* Obras Escogidas, v. II. — Guayaquil-Ecuador, 1959.
- (11) *Arevalo Oscar.* Vigencia del leninismo hoy en la Argentina. — Buenos Aires, 1970.
- (12) *Ayala Mora E.* Lucha política y origen de los partidos en el Ecuador. Ediciones PUCE. — Quito-Ecuador, 1994.
- (13) *Chiriboga Manuel.* Jornaleros y grandes propietarios en 135 años de exportación cacaotera (1790—1925). — Quito, 1980.
- (14) *Demellas Marie-Danielle, Saint-Geours Yves.* Religión y política en el Ecuador. Jerusalem y Babilonia 1780—1880. Corporación editora Nacional. — Quito, 1988.
- (15) *Velasco Fernando.* Ecuador: subdesarrollo y dependencia. Ed. El Conejo; 2.ed. — Quito, 1983.
- (16) *Velasco Fernando.* La estructura económica de la Real Audiencia de Quito. Ecuador Pasado y Presente; Ed. Universitaria. — Quito, 1976.

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES IN ECUADOR ON THE EVE OF THE ESTABLISHMENT OF THE CONSERVATIVE REGIME OF GARCIO MORENO

E.S. Galibina

World History Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya St., 10a, Moscow, Russia, 117198

The end of the XIX and the beginning of XX centuries was an important stage in the development of Latin America countries. This period was characterized by a fierce struggle between the conservative forces and the liberals who were the mouthpiece of the interests of the new bourgeoisie striving to do away with feudal barriers which hindered the development of the capitalist relations and whose aim was to come to power. The socio-economic situation in Ecuador during that period helps us to analyze the political and economical situation of the country in the future, the origin of «garcionism» as a socio-political event which made an accession of liberals to power a reality.

Key words: Latin America, Ecuador, «garcionism», the Conservatives, the Liberals.